

Прошло еще две недели, и Ван Сюань наконец-то закончил со своими делами, поручив оставшиеся хлопоты заботам Роберта — Ло Цзухуэя. Первая группа сотрудников уже отправилась обратно на родину, увозя с собой и личного секретаря. Боссу-то дозволено бездельничать и развлекаться, а вот верному помощнику пора возвращаться к делам.

Облегчив багаж и оставив при себе лишь нескольких телохранителей, они отправили остальную свиту домой, а сами улетели в Штаты. По сравнению с консервативной, начавшей увязать в застое старой Англией, эта молодая, амбициозная держава бурлила хаотичной, хмельной энергией. Америка испокон веков строилась переселенцами, но даже здесь снобизма и предвзятости хватало с избытком.

В компании охраны они устроили себе знатный тур по американским достопримечательностям, ни в чем себе не отказывая. Наведались на знаменитую Рыбацкую пристань, где до отвала наелись свежайших морепродуктов. За время этого гастрономического разгула не только Ван Сюань с Гоуданем, но и выдавшие виды бодигарды прибавили по паре-тройке лишних килограммов. Стоило выдаться свободному часу, как вся честная компания принималась неистово тягать железо в спортзале. Пот лился градом: все стремились сохранить идеальную физическую форму, опасаясь, что избыток калорий притупит реакцию, а лишний вес лишит тело привычной легкости и маневренности.

Впрочем, одними развлечениями они не ограничивались. Корпорация «Триумф» остро нуждалась в высококлассных специалистах, получивших образование за рубежом. Еще перед отъездом Се Сюэнь связался со своими старыми университетскими товарищами, так что Ван Сюань планировал использовать эту поездку по максимуму — наладить связи и переманить перспективные кадры на родину.

Многие китайские студенты оседали в Штатах насовсем, но хватало и тех, кто твердо намеревался вернуться назад. И если среди них попадался по-настоящему толковый специалист, Ван Сюань лез вон из кожи, чтобы заполучить его в свою команду еще до того, как за ним выстроится очередь из конкурентов.

Пролетел почти месяц. Приближался Праздник весны, пора было собираться домой. Перед отъездом они решили устроить себе тихий, прощальный день — без дальних переездов, шумных толп и надоедливой охраны. Просто гуляли, переплетя пальцы. Оба — статные, ухоженные, притягивающие взгляд. И хотя свободные нравы США никого уже не удивляли, на двух привлекательных мужчин, открыто державшихся за руки, прохожие все равно то и дело оборачивались.

Впрочем, до чужого любопытства им не было дела. Они неторопливо брели по аллеям парка. Ветви деревьев стояли голыми, зябко раскинувшись на фоне блеклого неба, но доносившийся издали размеренный колокольный звон убаюкивал, даря редкое ощущение абсолютного покоя.

— Что церкви США, что наши буддийские храмы — суть одна, — негромко заговорил Гоудань, поравнявшись со спутником. — Инструмент духовной власти. И везде обязательно вешают колокола. Слышишь этот мерный гул? Навевает мысли о наших родных монастырях.

— Пожалуй, — согласился Ван Сюань. — Пойдем взглянем поближе?

— Ладно тебе, мы же не праведные христиане, да и Будды, чтобы поклониться, там не сыщешь. Поглазеим просто ради любопытства. Интересно, пускают ли туда зевак вроде нас?

Сказано — сделано. Ориентируясь на звон, они двинулись вглубь аллеи. Вскоре над верхушками деревьев показался острый шпиль. Издали казалось — рукой подать, однако пешая прогулка заняла прилично времени. Церковь, примостившаяся на живописном холме у самой границы парка, оказалась небольшой, но на удивление изящной. Вокруг нее вилась ухоженная дорожка, по которой неторопливо прохаживались редкие прохожие.

На церковной парковке яблоку негде было упасть от обилия начищенных автомобилей. Чуть в отдалении, на аккуратно подстриженной лужайке, всюду кипели приготовления к торжеству. Ряды стульев для гостей полукругом огибали увитую свежими бутонами свадебную арку.

Одолело праздное любопытство. На родине они перебивали на десятках свадеб, но вот западного обряда вживую видеть еще не доводилось. Слышали только, что у здешних христиан принято венчаться под сводами соборов под присмотром священника. Словом, все совсем не так, как в Китае.

— Никаких тебе петард и грохота. Пресновато как-то, нет размаха, — усмехнулся Гоудань, наступив носком туфли на плоский валун у обочины.

Ван Сюань невольно улыбнулся воспоминаниям. В детстве они частенько бегали в свите жениха у деревенских мальчишек. Позже, когда их положение в обществе укрепилось, приглашения присылали уже люди калибра Чэн Шу. Но у кого бы они ни гуляли, китайская свадьба всегда звенела безудержным весельем. Семьи побогаче нанимали музыкантов с трубами и тарелками, и пусть те выдували незамысловатые сельские мотивы, под оглушительный треск петард это создавало непередаваемую атмосферу праздника.

А уж когда народ разбогател, за невестой стали отправлять целые автоколонны, и грохот шутих катился по всей округе — за версту было ясно, что люди празднуют рождение новой семьи.

— У них тут свои понятия о приличиях, — тихо заметил Ван Сюань, кивнув в сторону лужайки. — Смотри, вон те ребята с инструментами — должно быть, местный оркестр.

Признаться честно, всякий раз, глядя на чужое бракосочетание, оба испытывали легкую, щемящую тоску. Им двоим пышного праздника в этой жизни не суждено. Обычные мужчины, остепеняясь, берут жен, заводят детей и сияют от гордости в день свадьбы — для большинства это важнейший веховой рубеж.

Но они выбрали иной путь, связав судьбы друг с другом, а значит, о подобных условностях следовало забыть раз и навсегда.

Мужской союз, скрепленный любовью и верностью, — вещь интимная. Разве станут двое мужчин устраивать балаган с фатой и клятвами? Это выглядело бы нелепо и напыщенно. Да и кто бы к ним пришел? Незачем зря беречь душу и дразнить гусей.

И все же где-то в глубине души таилась несбыточная, полудетская мечта: а что, если бы они могли вот так же, открыто, перед всем миром объявить себя супругами?..

— Брат Гоудань, давай подойдем поближе, — предложил Ван Сюань.

— Ладно, поглазеем на заморское диво, — отозвался тот.

Собравшиеся на траве гости выстроились живым коридором. Народу пришло немного, и Гоудань отметил странную деталь: лица у всех были излишне натянутыми, суровыми, без тени привычного для такого дня ликования. Вдруг на дальнем конце цветочной аллеи началось движение, и музыканты дружно грянули жизнерадостный марш.

Несколько стоявших с краю парней принялись палить из хлопушек разноцветным серпантинном, свистеть и шуточно подначивать виновников торжества. По мере приближения пары гости неохотно, словно нехотя, зааплодировали.

Возле импровизированного алтаря за микрофон взялся молодой парень. Вместо каноничной сутаны, какую показывают в зарубежных фильмах, на нем красовался вызывающе яркий, пижонский костюм.

Переглянувшись, Гоудань с Ван Сюанем застыли в недоумении. Под венец, плечом к плечу, шли... двое мужчин. Что за странный обычай? Может, это просто шаферы или братья молодых прокладывают дорогу?

Они вытянули шеи, силясь разглядеть, не идет ли следом сама невеста в белом облаке фаты. Тем временем ведущий зычно заговорил в микрофон:

— В этот знаменательный день мы собрались здесь, чтобы перед лицом Господа и близких людей соединить узами брака...

Далее последовала длинная, витиеватая тирада о вечной верности, поддержке и священном союзе двух любящих сердец.

Странное предчувствие кольнуло обоих. Неужто за границей мода такая — устраивать свадьбы без единой женщины?

Но когда эти двое — в одинаковых, ослепительно белых смокингах — обменялись обручальными кольцами, догадка вспыхнула в головах китайских гостей отчетливо и пугающе. Окончательно все сомнения развеялись, когда ведущий торжественно провозгласил:

— А теперь новобрачные могут скрепить свой союз поцелуем!

Ван Сюань и Гоудань буквально онемели от потрясения.

— Это что... свадьба двух мужиков? — прошептал потрясенный Гоудань, округлив глаза. — В Америке что, закон разрешает такое?

— Не слышал о таком, — покачал головой Ван Сюань, пребывая в не меньшем замешательстве.

В их понимании законный брак на этой планете мог существовать исключительно между мужчиной и женщиной. Консервативное общество испокон веков клеймило любые отклонения от нормы, а государственные институты бдительно охраняли традиционные устои. Мужчина с мужчиной, женщина с женщиной — подобные союзы во всем мире считались постыдными и запретными.

Затаив дыхание, они заворуженно смотрели на то, как двое мужчин нежно прильнули к губам друг друга. Теперь Гоудань понял, отчего толпа гостей казалась такой жидкой, а на лицах родственников застыла хмурая мина смирения. Наверняка поддержать новоиспеченных супругов решились лишь самые преданные друзья. Выходит, как ни кичись свободой, а однополый любви нигде не рады.

— Вот почему они не зашли внутрь собора, да и венчал их обычный тамада, а не священник, — тихо проговорил Ван Сюань. — Местная вера, должно быть, жестко отвергает подобные отношения.

И все же сила традиции оказалась непреодолимой: у западных людей венчание на подсознательном уровне связано с храмом. И раз уж церковные каноны закрыли перед ними двери, влюбленные нашли компромисс — просто арендовали клочок зеленой лужайки на виду у святых стен, дабы хоть так прикоснуться к таинству.

По сути, этот фарс не имел никакой юридической силы. Обряд служил лишь красивым жестом, попыткой двух израненных сердец доказать миру серьезность своих намерений. На душе у Гоуданя и Ван Сюаня внезапно стало пусто и горько. Видно, теплилась в них тайная надежда, что где-то на другом конце земли закон и общество способны проявить милосердие, признав за ними право на счастье. Но чудо оказалось призраком.

И все равно эта неофициальная, почти сиротская свадьба вызвала в них острую, щемящую зависть.

Эти чужаки отважились бросить вызов устоям. Сами же они были опутаны тысячью обязательств и условностей.

Ван Сюань ласково сжал пальцы Гоуданя:

— На самом деле все эти церемонии — пустая мишура. Главное ведь то, что у нас внутри. Бумажки и клятвы ничего не изменят.

— Верно, — согласился Гоудань, крепко прижав его ладонь к своей груди.

Действительно, отец Ли Сы обо всем догадывался, наставник Ван Сюаня тоже знал правду, да и дядя Лю Юань не питал иллюзий. Близкие хранили молчание — не благословляли, но и не устраивали сцен. И этого было более чем достаточно. К чему разыгрывать комедию и устраивать фальшивое торжество? Чтобы заставить родственников краснеть от неловкости, а самим изнывать от фальшивых поздравлений?

Семейное гнездо вьется в тишине. Счастье любит практичность, а не громкие лозунги.

Гоудань склонился к самому уху возлюбленного и интимно, с хрипотцой прошептал:

— Мы не веруем в их Христа. Мне не нужны ни алтари, ни божье благословение. Одной широкой кровати нам вполне хватит.

Ван Сюань от этого горячего дыхания невольно передернул плечами и потер заалевшую мочку уха.

— Бесстыдник, — шутливо огрызнулся он.

— Хотя мне нравится твой настрой, — добавил А-Сюань, не привыкший жеманиться.

Чего греха таить, жаркая постель связывает крепче любых фальшивых брачных контрактов.

— Идем. Считаю, расширили кругозор, — улыбнулся Гоудань.

Они так и не подошли к празднующей толпе. Понаблюдав со стороны, развернулись и, не разжимая рук, зашагали прочь.

Вернувшись в отель с каким-то новым, почти сакральным чувством духовной близости, они мгновенно отбросили всякую стыдливость. Зачем им алтари и чужие молитвы, когда их личный, тайный храм выстраивался прямо здесь, под тяжелым шелковым одеялом?

Следующие двое суток они не вылезали из номера. Мир за окном перестал существовать. Когда силы покидали их, они засыпали, намертво переплетаясь телами, а едва открыв глаза, снова предавались безудержной, исступленной страсти, словно стремясь выпить друг друга до капли.

— Брат Гоудань, а ты знаешь, где я побывал на днях, пока ты улаживал дела? — шепотом спросил Ван Сюань, когда они изможденно лежали на влажных простынях. Не дожидаясь ответа, он продолжил: — В одной крупной частной клинике. Оказывается, там предоставляют услуги суррогатного материнства.

Гоудань приподнялся на локте, недоуменно вглядываясь в его лицо:

— И к чему ты клонишь?

— Богатые бездетные пары, или те, кому здоровье не позволяет выносить плод, нанимают стороннюю женщину. Она вынашивает их генетического ребенка в своем чреве.

В той клинике строго следили за конфиденциальностью, но Ван Сюань умел открывать нужные двери с помощью хрустящих купюр, а потому выведал все до мельчайших подробностей.

— Там я случайно разговорился с парой мужчин, — продолжал А-Сюань, устремив задумчивый взор в потолок. — Они тоже воспользовались этой услугой. С гордостью рассказывали, что их малыш родится уже через три месяца, показывали снимки детской, которую они обустроили...

Гоудань на миг затаил дыхание, вглядываясь в карие глаза партнера.

— Сяо Сюань... ты хочешь ребенка?

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок. Точнее... хочу, чтобы на свет появился твой родной сын или дочь.

Гоудань резко сел на кровати, скрестив ноги.

— Так вот оно что! А я-то все гадал, с чего ты вдруг повел себя с таким усердием собирать использованные презервативы! Ты что, консервировал мое семя? С ума сошел, откуда вообще у тебя такие мысли в голове?

— Помнишь, мы как-то вскользь говорили об этом? — виновато прошептал Ван Сюань, приподнимаясь вслед за ним. — Тогда у меня и зародилась эта мысль. Брат Гоудань, только не сердись, я ведь просто советуюсь с тобой.

— Да не сержусь я, — вздохнул тот, взъерошив пятерней волосы. — Просто... никак не ожидал от тебя подобного.

Ван Сюань лишь тихо вздохнул.

"Ишь, не сердится он..."

— Ты такой замечательный, брат Гоудань. Будет преступлением, если твоя кровь ни в ком не продолжится. Мне так хочется увидеть маленького сорванца, похожего на тебя как две капли воды. И тогда на старости лет нам не придется куковать в одиночестве.

Договорив, А-Сюань опустил ресницы. Его до сих пор грызло чувство вины всякий раз, когда он замечал тоскливый, тяжелый взгляд дяди Ли Сы. В китайской деревне бездетность — худшее проклятие. Если у Гоуданя родится наследник, злые языки за спиной наконец-то заткнутся и перестанут шипеть, будто он совершил нечто ужасное, за что небо покарало его бездетной старостью.

Он не желал терпеть эти косые взгляды. Ни единого шепотка в их сторону допускать было нельзя.

Гоудань шумно выдохнул, притянул покладистое тело к себе и крепко обнял:

— Глупый ты мой. Вечно забиваешь себе голову всякой чепухой.

Ван Сюань промолчал, уткнувшись носом в его плечо. Гоудань прекрасно знал его характер: за внешней мягкостью и уступчивостью скрывался стальной стержень. Если уж А-Сюань завел об этом разговор, значит, втайне все рассчитал и принял твердое решение.

Самому Гоуданю дети даром не сдались. Долг перед предками и продолжение рода в его личной системе ценностей не весили ровным счетом ничего. Неужто отсутствие наследников лишит его уважения или сделает жизнь несчастной? Глупости. С его капиталами и влиянием, когда они с Сюанем состарятся, вокруг них будет виться целая свора желающих прослужить «любящими племянниками» ради заветного наследства.

О старости беспокоиться глупо — в крайнем случае наймут штат прислуги или уедут в лучший пансионат. Делов-то.

Прошло много времени. Гоудань решил, что его ненаглядный уже уснул, как вдруг в темноте раздался тихий, сонный голос Ван Сюаня:

— Я ведь тоже не питаю нежности к чужим младенцам. Но... я хочу растить именно твою плоть и кровь.

Гоудань распахнул глаза. В темноте они блеснули хищным, волчьим огоньком. Он перевернул Ван Сюаня на спину и навис сверху:

— Раз так, может, сам мне его и родишь, м? Сносишь, разродишься — а я уж, так и быть, воспитаю.

— Была бы моя воля, я бы тебе хоть целый выводок родил, чтоб ты замучился их кормить, — беззлобно огрызнулся А-Сюань, пихнув его ладонью в грудь.

— Ох, каков взгляд! И после этого будешь уверять, что не соблазняешь меня? — Гоудань, расвирепев от нахлынувшего вожделения, сорвал одеяло и подмял податливое тело под себя. Одним резким движением он вздернул ноги Сюаня вверх, разводя их в стороны.

— Ну давай проверь, уморишь ты своего гэгэ или нет! — прорычал он.

С этими словами он приник губами к нежной коже на внутренней стороне бедра, оставляя яркие отметины. Ван Сюань несильно забился под ним, задыхаясь от смеха и возбуждения:

— Стой... брат Гоудань, прекрати! С ума сошел, умереть в постели захотел?! Ха-ха-ха, щекотно же! Перестань... ах!..

Но Гоудань не шутил. Его разгоряченная плоть уже налилась тяжестью, требуя разрядки. Ван Сюань, почувствовав этот напор, сквозь стон обозвал его ненасытным жеребцом, на что тот лишь плотоядно ухмыльнулся.

— Жеребец? Ну так держись, сейчас я тебя растерзаю, как дикий зверь! Посмотрим, как быстро ты у меня взмолишься о пощаде!

Рывком притянув Сюаня к самому краю кровати, он закинул его колени ему же на грудь, полностью открывая нежный, подготовленный зев его страсти.

Дыхание Гоуданя стало прерывистым, хриплым. Куда только делись недавние рассуждения о пользе воздержания и заботе о здоровье! Охваченные безумным порывом, они отдались первобытному инстинкту, растворяясь в яростных, изнуряющих ласках.

Весь следующий день Ван Сюань не находил в себе сил подняться с постели. Гоудань крутился вокруг него ужом, заглядывая в глаза и изображая крайнюю степень раскаяния.

— Давай, притворяйся дальше, — слабо усмехнулся А-Сюань, утомленно глядя на его заискивающую физиономию. — Вчера ночью что-то незаметно было, чтобы ты меня жалел. Сколько я умолял остановиться — хоть бы ухом повел!

— Каюсь, виноват, бес попутал! Впредь буду паинькой, обещаю, — Гоудань заботливо поднес к его губам ложку с теплой, ароматной рисовой кашей на нежирном бульоне. — А теперь открывай рот, поешь немного.

Кое-как скормив Сюаню всю миску, он уложил его поудобнее, и тот, сморенный усталостью, почти мгновенно погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Спустя пару дней, когда Сюань окончательно оправился, они вместе отправились на консультацию к ведущему репродуктологу клиники. Расспросив врача обо всех тонкостях процесса, молодые люди договорились вернуться к детальному обсуждению уже после праздников.

На следующее утро они поднялись на борт самолета и покинули Соединенные Штаты, взяв курс на столицу.

Их долгое заграничное турне подошло к концу. О своем деликатном плане завести ребенка суррогатным путем они решили помалкивать — об этой тайне не должна была узнать ни одна живая душа.

Новогодние торжества прошли тихо и размеренно, но не успели отгреметь последние хлопушки Праздника фонарей, как пришла горькая весть: тихо угасла старушка Лю, последние годы страдавшая беспомощностью. Гоудань и Ван Сюань, бросив все дела, поспешили на похороны. При взгляде на Лю Юаня сердце обливало кровью — его виски совсем побелели от горя, а плечи бессильно опустились.

Взяв на себя все заботы по организации похорон на правах названных внуков, парни устроили усопшей пышные и достойные проводы в последний путь.

Раньше в этом скромном доме звенели голоса двоих, теперь же пятидесятилетний Лю Юань остался в абсолютном одиночестве. Опустевшее жилище казалось неуютным и холодным. К счастью, старик держался стойко и не предавался бесплодному унынию.

— Когда перед самым концом к вашей бабушке вдруг вернулся ясный рассудок, я уже все понял и приготовился к неизбежному, — негромко делился он с ребятами, грея руки о чашку чая. — Люди ведь не вечны. Она сама не горевала — верно, почуяла приближение смерти. В те редкие часы просветления все пеклась о моем будущем. Порывалась даже встать к плите, приготовить мне обед напоследок, да только руки ее уже не слушались. Еще и меня утешала, глупая... Так что и я плакать не стану. Ушла она тихо, без мучений, да и вы, хлопцы, как родные внуки, проводили ее в траурных одеждах. Не в одиночестве преставилась. Мне жалеть не о чем.

— Дядя Лю, поезжайте с нами в Столицу, — мягко сказал Ван Сюань, накрыв его ладонь своей.
— Мы теперь там прочно обосновались. Будем держаться вместе, и тоска отступит.

— Вернусь, непременно вернусь, — слабо улыбнулся Лю Юань. — Только дела сначала сдам. Вы ведь, поди, и не знали, что мое личное дело все эти годы хранилось в министерстве в столице? Больше двадцати лет назад меня сюда отправили во временную командировку, да так тут и оставили. А теперь, когда матушки не стало, меня больше ничего здесь не держит. Пора и честь знать.

Ван Сюань с Гоуданем удивленно переглянулись — об этой детали они слышали впервые. Выходит, столичные ведомства упорно отказывались передавать его документы в местное управление. Очевидно, в молодости перед Лю Юанем открывались блестящие карьерные перспективы. Что же за драма разыгралась в те годы, вынудив его забрать престарелую мать и уехать в глушь? И как обычная командировка могла затянуться на четверть века?

— Раз так, покончите с бумагами — и ждем вас в столице, — подытожил Гоудань.

Вернувшись в Столицу, они с головой ушли в работу. Акционерная компания «Триумф» официально переросла в Корпорацию «Триумф». Предстояло реструктурировать активы, провести аудит предприятий и безжалостно избавиться от убыточных филиалов. Дел навалилось столько, что Гоудань больше не мог позволить себе роль праздного наблюдателя. Он носился по городу, решая сотни вопросов, и буквально засыпал на ходу.

Изнурительные совещания нередко затягивались далеко за полночь. Единственным спасением была трогательная забота Ван Сюаня, который взял за правило каждые два дня поить своего благоверного особым травяным отваром для укрепления сил. Гоудань терпеть не мог этот приторно-сладкий, пахнущий аптечными кореньями настой, но под строгим взглядом своего домашнего лекаря безропотно осушал чашу до дна.

Всякий раз, когда старший брат морщился от горечи, шестилетний Ли Бэйшэн заворуженно наблюдал за ним, смешно вращая круглыми глазами. Малышу не терпелось засунуть нос в чужую пиалу и отведать волшебного зелья — раз уж Ван Сюань говорил, что оно прибавляет сил, отчего тогда у старшего брата такое кислое лицо, будто его заставляют жевать полынь?

Заглядевшись на брата, малец настолько ушел в свои мысли, что промахнулся ложкой мимо рта и ткнул рисом прямо себе в нос. Заметив это, Гоудань не удержался от громкого хохота:

— Надо же, целых шесть лет парню, а он еду в ноздри запихивает! Какая ловкость рук, поглядите на него!

Бэйшэн обиженно надулся и густо покраснел, но перечить грозному старшему брату не посмел.

— Не дразни ребенка, — заступился за малыша Ван Сюань, легонько шлепнув Гоуданя полотенцем по плечу. — Бэйшэн куда послушнее тебя. Когда надо, он любые микстуры пьет без лишних капризов.

Малыш тут же гордо выпятил грудь:

— Вот именно! Я лекарств вообще не боюсь!

Но тут же, испугавшись собственной дерзости, боязливо покосился на Гоуданя. Убедившись,

что тот не собирается устраивать взбучку, Бэйшэн облегченно выдохнул. Однако радость его длилась недолго. Старший брат прищурился и вкрадчиво спросил:

— Кстати, о послушании. До меня дошли слухи, что ты умудрился довести своего репетитора до белого каления, и тот сбежал. Это правда?

Мальчик инстинктивно вжал голову в плечи и умоляюще уставился на отца. Но Ли Сы даже не подумал спасти нерадивого отпрыска. Напротив, он недовольно махнул рукой и проворчал:

— А то как же! Наняли ему за бешеные деньги толкового студента из университета, думали, ума наберется. А этот лоботряс учиться не желает, только нервы треплет.

Ли Сы до сих пор сокрушался о потраченных впустую средствах — швырять деньги на ветер он страшно не любил.

От грозного тона взрослых у бедного Бэйшэна мороз прошел по коже. Странное дело: Гоудань никогда не возился с младшим братом, пальцем его не трогал и голоса не повышал, но малец трепетал перед ним как осиновый лист. Ему вечно казалось, будто суровый старший брат вот-де прямо сейчас отвесит ему весомый подзатыльник. При этом ни отец, ни мачеха Яо Юньлань не стеснялись в воспитательных целях пороть мальчишку ремнем по заднице, но их Бэйшэн совершенно не боялся.

Гоудань ограничился коротким вопросом и развивать тему не стал. Кстати, Ван Сюань варил снадобье крошечными порциями, чтобы не перебивать любимому аппетит перед ужином. На аппетит Гоудань никогда не жаловался — огромную миску риса с мясом он опустошил в мгновение ока.

Бэйшэн перевел взгляд со своей крошечной пиалки на огромную именную тарелку брата, и в его детской душе шевельнулся благоговейный восторг. Дети инстинктивно тянутся к силе. С ранних лет отец и мать без умолку твердили ему, какими выдающимися выросли его старшие братья. Эти разговоры оставили глубокий след в сознании ребенка.

Сам Гоудань даже не догадывался, какими сложными чувствами переполнено сердце младшего братишки. Тот одновременно боялся его до дрожи и боготворил. Для маленького Бэйшэна старший брат был непререкаемым авторитетом — куда более величественным и могущественным, чем их собственный престарелый отец.

<http://bllate.org/book/19654/1996881>